

4 апреля 1995 года исполняется шестьдесят три года со дня рождения русского кинорежиссера Андрея Тарковского. Его фильмы были откровением для нескольких поколений зрителей и без сомнения определили самосознание русского общества в беспробудные времена партийной диктатуры. Фильмы Тарковского еще долго будут с нами, ибо темой его творчества был человек, его внутренний мир, его страдания и поиски гармонии.

Исследование человеческой души всегда было присуще русскому искусству, особенно литературе. Тарковский продолжил эту традицию в кинематографе, вобрав в себя, вместе с тем, и опыт мировой культуры.

Андрей Тарковский жил недолго, всего пятьдесят четыре года. Почти пятьдесят лет его жизни прошли в России. Он был связан с этой страной прежде всего рождением и воспитанием. Большое влияние на становление его личности оказала мать, Мария Ивановна, ставшая героиней исповедального «Зеркала». С отцом, известным поэтом Арсением Тарковским, Андрея связывали не только родственные узы. Стихотворения отца органично вошли в фильмы сына («Зеркало», «Сталкер», «Ностальгия»), а образный мир его поэзии — в киномир Андрея.

После смерти родителей и Андрея я начала заниматься прошлым нашей семьи. Так появились небольшие рассказы-воспоминания, которые объединились в книгу «Осколки зеркала». Сейчас я готовлю эту книгу к изданию.

Марина Тарковская

Февральским утром мы сели в синюю «иномарку» и поехали во Владимир. Вообще-то «Тойота», взятая на прокат, была уже не синяя, а грязно-серая — февраль не баловал ясной морозной погодой. Было пасмурно, туманно, все текло. Грязь от встречных машин залепляла окна.

Нас было четверо — полурусский француз, ставший в России совсем русским и православным, гречанка из Лондонского университета, выучившая русский язык, чтобы смотреть фильмы Андрея без перевода, мой муж и я.

Мы ехали во Владимир. Говорят, что «Войну и мир» надо перечитывать в каждый из жизнен-

Марина Тарковская

Храм Покрова на Нерли. Владимир

Глава из воспоминаний об Андрее Тарковском

ных периодов. Так и с посещением святой владимирской земли.

Я приезжала во Владимир в туристической группе вместе с сотрудниками нашего словарного издательства. Было это в 1963 году, когда Андрей еще не начинал снимать свои «Страсти». Было лето, и было первое знакомство с владимирскими соборами, с Суздалем, с полуразрушенным Боголюбским монастырем, по ступеням которого некогда влачили убитого князя.

А с храмом Покрова на Нерли встреча тогда была совсем особенной. Чтобы увидеть его, наша группа упростила водителя автобуса задержаться на ночь. Мы остановились на берегу реки. Спать в автобусе было невозможно — кто-то дремал, кто-то разговаривал тихонько. И как только забрезжило утро, мы двинулись к храму. Шли по цветущему росистому лугу, а перед нами вставал храм, весь золотой и розовый в первых лучах солнца.

Потом я увидела уже знакомые храмы в фильме Андрея. На премьере «Рублева» в Белый зал Союза кинематографистов мы с мамой еле прошли. Нас проталил через толпу у входа оператор Ардашников. Была морозная зима 1966 года, и гардеробщица не хотела брать мамины валенки. Эти валенки явно оскорбляли достоинство гардеробщицы. «И кто это шас в валенках ходит!» — возмущалась она.

Рассказываю о валенках, потому что не хочу говорить о фильме, о впечатлении, которое он произвел на нас. Пусть оно останется со мной — об «Андрее Рублеве» написано много.

Сейчас февраль 1995-го. Все изменилось — нет на свете родителей, ушел Андрей. И я уже не та молодая женщина, что далеким ранним утром шла через росистое поле.

К храму Покрова нет проезжей дороги, туда можно попасть по тропке, ведущей от Боголюбского монастыря. Мы долго крутимся в Боголюбове

и наконец притыкаем машину у деревянного сарайчика в чьем-то дворе.

Спускаемся на лед изгибающейся под железнодорожным мостом Нерли, минувшем рыбаков, терпеливо нахлывшихся над лунками, взбираемся на берег.

Мы в поле. Кроме нас — ни одной живой души. Дует ледяной ветер. Снега мало, местами из-под него торчат сухие стебли и зонтики прошлогодних трав. Далеко справа виднеются очертания монастыря, впереди — храм на Нерли. Слава Богу, что к нему нет подъездного пути. К храму надо идти пешком, и тогда он возникнет перед путником как награда за его скромный поступок.

Вот он приближается на холме в полукруге замерзшей старицы. Перед ним группа деревьев — черные вязы на фоне размытого розовато-серого убывающего дня. Храм все ближе и ближе, на его куполе светится крест.

Андрей и Марина Тарковские. Москва, 4 апреля 1948.

Совсем близко от церкви, на фанерном, дрожащем от ветра щите читаем: «Въезд машин и вход на территорию храма с собаками и в купальнях запрещен».

Ветер пронизывает нас насквозь. Но на дверях храма висит замок, а попытка войти в белый домик, стоящий поодаль, оказывается безрезультатной. «Ключа от храма у меня нет, а в дом я и родного брата не впущу!» — говорит человек, вышедший на наш стук.

Мы опять ходим вокруг храма. Как прекрасен он, и как безобразны стоящие рядом опоры электропередачи. Кажется, что их поставили здесь нарочно, чтобы испортить его вид. А он не обращает внимания на эти конструкции. Он не знает себе равных, и что ему какие-то железки!

Замерзаем окончательно и снова стучимся в домик. На этот раз сторож впускает нас на крыльцо. «Вот тут и погрейтесь!» Возникает неловкость. Сторож не прочь с нами поговорить, но он раздет, и стоять ему в сених холодно. Мы толчемся у распахнутой двери, тепло выходит. «Да вы заходите сюда», — говорит сторож. И вот мы в теплой кухне. То ли наш замерзший вид, то ли появившаяся у мужа в руках фляжка коньяка располагают к нам сторожа. Завязывается разговор. Выясняется, что храм Покрова относится к теперь действующему Боголюбскому монастырю, что в храме проводятся богослужения, что батюшка очень строгий, что в домике живут монахи, которые ушли в монастырь на службу.

Мы стоим на половике у входа в кухню, а сторож, назвавшийся Аркадием, выносит кусок сала, варенье в банке, хлеб и приглашает нас к столу. Мы благодарим и отказываемся — не хотим подводить Аркадия. Лицо у него чистое, розовое, сам он не старый, небольшого росточка, темно-русый, нос длинноватый.

Нам хорошо, тепло. Мы выпили

коньяку, налили Аркадию. «Хорошая вещь, можно не закусывать!» — одобряет он. Беседа продолжается. Узнаем, что этот дом — нижняя часть колокольни, разрушенной в тридцатые годы, что колокольня и храм соединялись стеклянным переходом.

Аркадий венчался в храме два года назад. Говорим о времени, о нравах. «Я что? Я человек смердящий!» — чувствует, что сторож приближается к благочестию.

«Нам бы в храм попасть...» — «Нельзя, не имею права!» — стойко держится Аркадий.

Выпитый глоток коньяка придает мне храбрости: «Знаете, тут когда-то брат мой фильм снимал. "Андрей Рублев", слышали?»

Смотрит на меня. Пауза, раздумье... «Никого не впускаю, сейчас перед вами четверых отослал. А вас впущу, приму грех на душу». Аркадий решительно одевается и снимает ключи, висящие на косяке.

И отмыкает замок, и открывается дверь, и мы входим внутрь храма.

В узкие оконные прорезы почти не проникал свет, серый день угас. Но церковь сияла изнутри, хотя, кроме небольшого аналоя, в ней ничего не было. Высокие белокаменные колонны устремлялись ввысь, увлекая за собой душу, уводя ее от земли с ее суетой и тщетой. Святость «намоленного места» здесь ощущалась почти осязаемо.

Спазма сдвинула мне горло...

Мы выходим из храма, прощаемся с Аркадием. Мне стыдно, что из-за меня он нарушил свой долг. «Чтоб вам больше не плакать», — говорит он мне напоследок.

Уходим и всё оглядываемся на храм. Как сохранился он, одиноко стоящий в чистом поле? И почему не производит впечатления сироты, брошенной на произвол судьбы? Он возвышается на своем холме, сохраняя спокойное достоинство...

Мы добрались до машины, развернулись и поехали во Владимир. Было уже почти темно. У входа в Успенский собор смуглые люди в узбекских халатах просили милостыню.

Внутри собора было сумрачно и пусто — служба начиналась через сорок минут. Мерцал золотом богатый иконостас. Рублевских фресок мы не разглядели из-за темноты.

Потом мы стояли у собора и говорили о съемках «Андрея Рублева». Вот эти ворота таранили татары, а здесь были приставлены лестницы, по которым взбирались вооруженные ободрали золотые купола.

Тогда по неосторожности пиротехников загорелось деревянное перекрытие под крышей. Пожарники, присутствующие на съемках, пожар тут же потушили.

Инцидент подхватили газеты. Журналисты жалели корову, которую взяли для съемок с бойни и на которой поджигалась специальная попола.

Не хотели щадить режиссера, снимавшего великий фильм о России. Его долго мучили, а фильм увидели и оценили сначала на Западе. Не буду пересказывать хвалебные статьи о «Рублеве» и перечислять награды, полученные Андреем. Прочтите лучше это письмо:

Арсений Александрович и Мария Ивановна Тарковские с Андреем. 1935.

Коммунистическая партия Советского Союза.

17 июля 1969 года
Председателю Комитета по кинематографии при Совете Министров СССР
тов. Романову А.В.

Недавно в городе Владимире был организован общественный просмотр двухсерийного кинофильма «Андрей Рублев» (производство «Мосфильм», режиссера Андрея Тарковского, директор картины Т.Огородникова).

В просмотре участвовали ответственные работники обкома КПСС, облисполкома, горкома партии, художники, искусствоведы и журналисты.

По нашему общему мнению фильм «Андрей Рублев» творческая неудача Андрея Тарковского, и его нецелесообразно выпускать на экран. Прежде всего, непонятна творческая, идейно-художественная позиция создателей кинофильма. Вместо воспитания у людей чувства патриотизма, гордости за нашу Родину, за русского человека-творца, создавшего памятники архитектуры XII—XIII веков, на протяжении всего фильма зрителю преподносятся в концентрированном виде сцены и картины зла, надругательства над человеком, над всем тем, что является светлым. Перед нами предстает русский народ настолько отсталым и полудиким, настолько приниженным и раздвоенным, что он не способен ни мыслить о свободе, ни тем более подняться на героическую борьбу против татаро-монгольского ига. Название фильма не соответствует его содержанию. В фильме нет Рублева-художника, которого по праву называют русским Рафаэлем. Непонятны образы бесталанного Кирилла, Дурочки, показ крупным планом циничного предводителя захватчиков-монгол.

Памятники архитектуры — Дмитриевский и Успенский соборы, на фоне которых проходят многие события фильма, показаны в безобразном состоянии, что вызывает недоумение. Мы считаем, что в настоящем виде фильм будет не понят большинством зрителей.

Секретарь обкома КПСС
С.Сурниченко»

(Архив киноконцерта «Мосфильм». Опись №8. Поряд. №1762. Связка №142.)

Времена изменились. Во Владимире напротив древних соборов и присутственных мест стоит отремонтированное здание с надписью «Банк» и с двуглавым орлом. Перед банком — памятник Ленину, оставленный то ли в насмешку над бывшим вождем, то ли как напоминание о тех временах, когда было написано обкомовское письмо.

Времена изменились, но почему-то не отпускает знакомое чувство безнадежности и неуютя.

Идем к машине, летящий снег бьет в лицо. Прощай, Владимир, увижу ли тебя еще раз, кто знает...

Москва